

интересом в условиях несовершенства кадровой работы. И дело не в отсутствии пресловутой состязательности на досудебных стадиях — таковым не удивишь континентально-европейские уголовно-процессуальные системы, а в заформализованности уголовно-процессуального доказывания, принуждения и системы принятия и проверки законности судебных решений по уголовным делам.

Примечания

- ¹ Современная философия: словарь и хрестоматия. Ростов н/Д., 1995. С. 151.
- ² Копяев В.С. Мораль и ее влияние на современное российское общество // Юрист. 1998. № 10. С. 15.
- ³ См.: Соловьев Э.Ю. И. Кант: знание, вера и нравственность // Прошлое толкует нас: очерки по истории философии и культуры. М., 1994. С. 173–174.
- ⁴ Букреев В.И., Римская И.Н. Этика права: От истоков этики и права к мировоззрению. М., 2000. С. 17, 19, 20, 21.
- ⁵ См.: Кобликов А.С. Юридическая этика. М., 2000. С. 13–17.
- ⁶ Рябинина Т.К. Нравственные начала уголовного процесса. Курск, 2007. С. 26–35.
- ⁷ Сергеев П. (Пороховщиков П.С.) Искусство речи на суде. Тула, 1999. С. 129.
- ⁸ Цит. по: Кобликов А.С. Юридическая этика. М., 2000. С. 13–14.
- ⁹ См.: Москалькова Т. Нравственные истоки уголовного процесса // Человек и закон. 1997. № 4. С. 77–82.
- ¹⁰ Лукашева Е.А. Человек, право, цивилизация: нормативно-ценностное измерение. М., 2009. С. 151–177.
- ¹¹ См.: Валицкий А. Нравственность и право в теориях русских либералов конца XIX — начала XX века // Вопросы философии. 1991. № 8. С. 25, 32.
- ¹² См.: Иванов Н.Г. Нравственность, безнравственность, преступность // Государство и право. 1994. № 11. С. 23–26.

*В.О. Белоносков**

ТОЛКОВАНИЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ НОРМ

Учитывая, что правоприменение напрямую зависит от правопонимания, в котором большую роль играет процесс толкования правовых норм, можно констатировать, что роль и значение толкования сложно переоценить. Оно всегда было, остается и будет актуальной проблемой правоприменения.

Преобладающий взгляд на толкование норм права как на один из этапов (элементов) правоприменительного процесса (наравне с установлением

* © Белоносков В.О., 2010

Белоносков Владимир Олегович — доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Самарского юридического института ФСИН России

фактической и юридической основы дела)¹ не в полной мере отражает его реальную роль, а потому представляет собой толкование в узком смысле.

В широком смысле толкование занимает фундаментальное положение в правоприменении, ибо оно не только проникает во все стадии правоприменения², но и способно выходить за его границы. Толкование является не только предпосылкой и условием применения норм уголовно-процессуального права, но также последующим контролем и возможной корректировкой правоприменения, ибо правильность применения может быть перепроверена и, возможно, изменена контролирующими субъектами. Таким образом, в уголовном процессе толкование можно рассматривать как предпосылку, основание и следствие правоприменения. Все это свидетельствует о том, что можно рассматривать толкование и как базисную составляющую, на основе которой начинается, развивается и завершается правоприменительный процесс. Толкование предшествует правоприменительному процессу и не прекращается после его окончания.

Такое широкое понимание толкования с нашей точки зрения обусловлено его близостью с понятием «мышление». В связи с этим возникает вопрос, а в каком соотношении находятся эти две категории — толкование и мышление? Бросается в глаза их тождество в методологии и качественных характеристиках.

Толкование и мышление основаны на одинаковых методах познания (анализе и синтезе в их взаимодействии и динамике), логических операциях (сравнение, абстрагирование, обобщение), формах (понятие, суждение, умозаключение) и их генезисе.

Мышлением является процесс отражения, осознания связей, различий и отношений между предметами и явлениями окружающей действительности и внутренним миром человека³. А может ли толкование правовых норм справиться с этой задачей — отразить связи, различия и отношения между предметами и явлениями окружающей действительности? Думается, что, безусловно, может. Именно это каждодневно и делают участники уголовного судопроизводства при реализации уголовно-процессуальных отношений, принятии процессуальных решений в ходе возбуждения уголовных дел, на предварительном расследовании и в судебном разбирательстве.

Конечно, нельзя не заметить, что мышление — это более широкое понятие, чем толкование. Разница заключается в том, что в мышлении процесс отражения и осознания связей и отношений касается не только правовых аспектов, а распространяется на все многообразие отношений общественного бытия.

Психологи утверждают, что мышление является одним из высших проявлений психического, процесс познавательной деятельности ин-

дивида, характерный обобщенным и опосредованным отражением действительности; это анализ, синтез, обобщение условий и требований решаемой задачи и способов ее решения³. Человеческому мышлению присущ ряд качеств: а) оно способно решать стоящие перед субъектом задачи; б) рождает новое знание и приводит к его осознанию; в) выступает творческим качеством личности⁴.

Другие утверждают, что значение мышления можно рассматривать: а) как знание; б) как процесс, в результате которого достигается знание; в) как одну из человеческих способностей⁵. При этом утверждается, что мышление – это особый тип переработки информации, своеобразием которого является поступление информации как результата поисковых актов субъекта; ...при характеристике мышления следует различать объективную и субъективную неопределенность условий задачи; объективную и субъективную информированность отдельных поисковых актов, из которых слагается процесс решения задачи⁶.

А способно ли толкование правовых норм обладать этими же качествами? Например, можно ли толкование норм права считать способом решения практических либо теоретических задач, стоящих в уголовном судопроизводстве? Или более конкретно, может ли толкование обеспечить правоприменение при неясно выраженных законодательных предписаниях? Но это не гипотетическая возможность, а одна из главных обязанностей толкования – обеспечивать правильность правоприменения при недостаточной четкости и ясности словесной формы выражения нормы права. Тем самым толкование также способно решать стоящие перед субъектами указанные задачи, присущие мышлению.

Приводит ли толкование к новому знанию и его осознанию? В юриспруденции всегда презюмировалось, что получение нового знания из норм права посредством их толкования несовместимо с принципом законности и является покушением на прерогативу законодательной власти. Вместе с тем юридическая практика нередко сталкивалась с примерами того, как во время толкования норм права получалось новое знание, сущность которого состояла не столько в выявлении принципиальной новизны, сколько заключалась в логическом развитии уже имеющегося знания, связанного с его конкретизацией и детализацией применительно к условиям правоприменения. Поэтому нет оснований отрицать того факта, что и во время толкования норм права может рождаться новое знание, способное адекватно осознаваться субъектами правоприменения.

Может ли толкование правовых норм выступать в качестве акта творчества личности? И на этот вопрос также можно дать положительный ответ. Субъект при толковании использует особый умственный процесс

и пытается взглянуть на проблемную ситуацию оригинально, творчески, с использованием новых подходов, аргументов, доводов. Разве получение нового знания в процессе толкования норм права не является актом творчества? Своеобразным, связанным с детализацией и конкретизацией условий правоприменения, но именно актом творчества?

Действия по конкретизации и детализации называются философами применением всеобщего правила или принципа к единичному явлению. И. Кант в свое время рассматривал такую умственную операцию, которой он дал название «суждение»⁷, невольно указав тем самым на тесную связь между конкретизацией как результатом толкования и мышлением.

И. Кант сравнивал способность суждения с особым талантом, который требует упражнения, но которому нельзя научить. Этот талант есть специфический инструмент остроумия, и его недостаток не может быть возмещен никакой школой, так как школа может давать рассудку только правила, но способность пользоваться ими принадлежит самому субъекту. В случае отсутствия этого естественного дара никакие предписания не застрахуют от ошибочного применения правил. Поэтому судья может иметь в голове много превосходных юридических правил, сам быть хорошим учителем в этой области и, тем не менее, в применении этих правил может легко совершать ошибки, потому что не имеет естественной способности суждения. Он может усматривать общее в абстрактной форме, но не умеет определить, отражено ли оно в данном конкретном случае. Субъект может с помощью обучения достигнуть даже учености и, тем не менее, часто испытывать недостаток способности суждения⁸.

Тем самым конкретизация (как результат толкования или «суждение» по И. Канту) является несомненным актом творчества.

О творческом характере толкования можно судить на примере Конституционного Суда РФ, деятельность которого является по своему характеру нормативно-интерпретационной.

Порой высокоуважаемый суд настолько творчески подходит к толкованию рассматриваемых уголовно-процессуальных норм, что его результаты оставляют глубокий след не только в юридической жизни, но и в общественно-политической, широко освещаясь средствами массовой информации.

Например, в своем постановлении от 11 мая 2005 года № 5-П Конституционный Суд РФ принял принципиально новое решение — устранил абсолютный запрет поворота к худшему при пересмотре судебных решений в порядке надзора по жалобе потерпевшего (его представителя) или по представлению прокурора⁹. Для обоснования подобного вывода были не просто использованы положения Конвенции о защите прав человека и основных свобод, ее Протоколы № 7 и 11, Рекомендации Комитета ми-

нистров Совета Европы, но в совокупности с положениями Конституции РФ, принципами уголовного судопроизводства, практикой правоприменения сделанные выводы потребовали от Конституционного Суда РФ именно творческого подхода.

В частности, был проанализирован и систематизирован сложный клубок противоречий между правом граждан на судебную защиту, требованием справедливости судебного решения, гарантией эффективного восстановления в правах, состязательностью и равноправием сторон. На основе толкования Конституции РФ и международно-правовых актов суд сформулировал либо подтвердил ранее им сформулированные правовые позиции:

– правосудие может признаваться таковым лишь при условии, что оно отвечает требованиям справедливости и гарантирует эффективное восстановление в правах;

– правом на обжалование приговора или иного судебного решения обладает и сторона обвинения – потерпевший, его представитель и прокурор;

– пересмотр вступивших в законную силу судебных решений является дополнительным способом обеспечения их правосудности, когда неприменимы или исчерпаны обычные средства процессуально-правовой защиты;

– Конституция РФ не исключает, а предполагает возможность исправления судебных ошибок и после рассмотрения дела в инстанции, решение которой отраслевым законодательством признается окончательным;

– запрет повторного осуждения за одно и то же преступление предполагает, что примененные к лицу меры были справедливыми;

– право не привлекаться повторно к суду не препятствует повторному рассмотрению дела, если в ходе предыдущего разбирательства было допущено имеющее фундаментальный, принципиальный характер существенное нарушение;

– требование правовой определенности и стабильности не является абсолютным и не препятствует возобновлению производства по делу при обнаружении существенных нарушений, допущенных на предыдущих стадиях и приведших к неправильному разрешению дела;

– формальное наделение суда полномочием на рассмотрение дела без права разрешения вопроса искажает суть правосудия и не согласуется с независимостью суда;

– круг оснований для пересмотра вступивших в законную силу судебных решений, влекущих ухудшение положения осужденного или оправданного, должен быть еще предусмотренного для обжалования в порядке

апелляционного и кассационного производства судебных решений, не вступивших в законную силу;

– пересмотр или отмена таких решений должны быть обусловлены достаточно кратким сроком.

На основании этих правовых позиций Конституционный Суд РФ пришел к выводу, что положение ст. 405 УПК РФ не обеспечивает эффективную защиту прав граждан, искажает суть правосудия, не согласуется с принципами самостоятельности и независимости суда. Для более полной защиты прав граждан Конституционный Суд РФ указал путь, по которому должна проводиться корректировка уголовно-процессуального законодательства.

Данный пример свидетельствует о том, что толкование невозможно без творческого подхода, а его результаты способны содействовать более полной защите прав граждан.

Несмотря на рассмотренные сходные черты, между мышлением и толкованием существуют и различия. Например, рассматриваемые категории имеют несовпадающие классификации.

Мышление делится на такие виды, как словесно-логическое, наглядно-образное, наглядно-действенное; теоретическое и практическое; логическое, аналитическое и интуитивное; реалистическое и аутистическое; продуктивное и репродуктивное; произвольное и непроизвольное.

Толкование в свою очередь делится на языковое, логическое, функциональное, систематическое, историческое, телеологическое; официальное, аутентичное, легальное, правоприменительное; неофициальное, обыденное, профессиональное, доктринальное; буквальное, распространительное, ограничительное.

Из этого перечня видно, что здесь имеется много различий, отражающих специфику рассматриваемых понятий. Тем не менее, не совпадающие классификации еще не свидетельствуют о нетождественности данных категорий.

В последнее время в науке мышление рассматривается в своих разнообразных проявлениях. Например, Е.К. Войшвилло утверждает, что одной из форм мышления является категория понятия¹⁰. При этом он убедительно обосновывает тезис о специфичности этой формы мышления.

Мы считаем, что нет оснований не считать и толкование также специфической формой мышления. Принимая во внимание сходство толкования в существенных признаках с мышлением, можно утверждать, что и толкование выполняет роль мышления в случаях, когда речь идет о правовых категориях, правоприменении, законодательстве. Имен-

Но такое понимание толкования соответствует его широкому смыслу, отражающему более полное, фундаментальное положение в правоприменении, которое не сводится только к установлению исключительно фактической и юридической основы дела, а предшествует правоприменению, его сопровождает и не прекращается после его окончания. На это указывает и основное значение толкования как процесса уяснения норм права. В своем другом значении — разъяснении норм права — мы имеем дело не столько с мышлением в полном объеме, сколько с использованием объективированного результата интерпретационной деятельности.

Подобное отождествление толкования с мышлением согласуется с его более фундаментальной ролью в правоприменении как базисной составляющей, а не только отдельного этапа правоприменительного процесса. Правильное толкование способно содействовать защите прав граждан в более полном объеме, что соответствует назначению уголовного судопроизводства.

Правильное толкование — очень непростое явление, недостаток которого может проявляться как формально верное, а по существу, издевательское. Ошибки в толковании способны допускать все без исключения субъекты. Это игнорирование уголовно-процессуальных принципов или их конкуренции, непоследовательное использование всех приемов толкования, неучет интересов всех субъектов уголовно-процессуальных отношений. Вопросам правильного толкования ввиду их важности и сложности целесообразно уделять самое пристальное внимание со студенческой скамьи.

Примечание

¹ См., например: Теория государства и права / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. М., 2006. С. 458; Теория государства и права / отв. ред. В.Д. Перевалов. М., 2005. С. 241.

² О проникновении толкования во все стадии правоприменительного процесса писала П.С. Элькин (см.: Элькин П.С. Толкование и применение норм уголовно-процессуального права. М., 1967. С. 64).

³ См.: Новейший психологический словарь / общ. ред. В.Б. Шпаря. 3-е изд.. Ростов н/Д: Феникс, 2007. С. 295.

⁴ См.: Крыжановская Л.М. Психология мышления. М.: Психолог, 1996. С. 10; Гурова Л.Л. Психология мышления. М.: ПЭР СЭ, 2005. С. 3.

⁵ См.: Тихомиров О.К. Структура мыслительной деятельности человека. М.: Изд-во МГУ, 1969. С. 33.

⁶ Там же. С. 82, 296.

⁷ См.: Кант И. Критика чистого разума. М., 1998.

⁸ См.: Кант И. Указ. соч. С. 174.

⁹ СЗ РФ. 2005. № 22. Ст. 2194.

¹⁰ См.: Войшвилло Е.К. Понятие как форма мышления: логико-гносеологический анализ. М.: Изд-во ЛКИ, 2007.